

П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность.

П. А. Кулишъ, слишкомъ извѣстное въ нашемъ литературномъ мѣрѣ лицо своими произведеніями въ области этнографіи, исторіи, языковѣдѣнія и беллетристики южно-русского края, въ послѣднее время оставилъ родину и переехалъ въ Австро-Венгрію, гдѣ продолжаетъ писать на родномъ южно-русскомъ нарѣчій. Въ „Вѣстникѣ Европы“ за прошлый годъ мы уже имѣли случай говорить объ одномъ изданномъ имъ тамъ сочиненіи „Крапанка“, гдѣ, между прочимъ, онъ заявляетъ о причинахъ, побудившихъ его къ переселенію изъ отечества. По его словамъ, ему хотѣлось пользоваться болѣею свободою слова и высшею культурою. На сколько онъ на своемъ новосельѣ достигъ желаемаго, это ближе можетъ быть извѣстно ему самому; мы же вознамѣрились говорить о его тамошней литературной дѣятельности.

Г. Кулишъ издалъ въ Вѣнѣ сдѣланный имъ вмѣстѣ съ докторомъ Пулюемъ переводъ Новаго Завѣта на южно-русское нарѣчіе. По этому поводу ничего не можемъ сказать, кромѣ благодарности за дѣло, предпринятое съ добрымъ побужденіемъ, и выразить искреннее желаніе возможности пользоваться этимъ переводомъ. Что касается до оцѣнки достоинствъ этого перевода, то желательно было-бы, чтобъ за такую оцѣнку принялись люди, спеціально посвятившіе себя религіознымъ знаніямъ; они указали-бы, на сколько этотъ переводъ достоинъ высокаго предмета и на сколько онъ можетъ быть пригоденъ для употребленія между грамотными простолюдными южно-русского происхожденія.

Кромѣ этого почтеннаго труда, г. Кулишъ является съ переводомъ Шекспира на южно-русское нарѣчіе. На первый разъ онъ издаетъ переводъ трехъ пьесъ Шекспира: „Отелло“, „Троила и Крес-

сиди“ и „Комедіи Ошибокъ“. Относительно выбора піесъ, казалось, было-бы полезнѣе начинать передачу великаго британскаго драматурга съ піесъ болѣе славныхъ, пріобрѣвшихъ въ главна репутацію лучшихъ и безспорно по своимъ эстетическимъ достоинствамъ имѣющихъ право считаться такими; Отсело дѣйствительно и принадлежить къ такимъ произведеніямъ, но двѣ остальные поэмъ, переведенныя г. Кулишомъ, не могутъ быть отнесены къ такому разряду и могли-бы появиться послѣ многихъ другихъ. Вѣроятно, г. Кулишъ, надѣется перевести всего Шекспира и заранѣе показываетъ, что не хочетъ ничего опускать изъ его твореній, такъ какъ во всѣхъ его произведеніяхъ, даже слабѣйшихъ, можно найти достоинства. Желаемъ успѣха г. Кулишу, но не можемъ не напомнить ему со вздохомъ старинной избитой поговорки: *Ans longa, vita brevis*, а г. Кулишу, сколько мы знаемъ, болѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду и для тѣхъ, которые могли-бы быть заинтересованы переводомъ Шекспира на южно-русское нарѣчіе, было-бы неутѣшительно по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ лишиться возможности прочесть по южно-руски такія міровыя творенія, какъ Гамлетъ, Макбетъ, Ричарды и другіе. Относительно достоинствъ явившагося перевода мы уклонимся отъ ихъ оцѣнки вотъ по какой причинѣ. Мы уже заявляли въ печати, что настоящее положеніе южно-русскаго нарѣчія таково, что на немъ слѣдуетъ творить, а не переводить, и вообще едвали умѣстны переводы писателей, которыхъ каждый интеллигентный малоруссъ прочтетъ на русскомъ языкѣ, который давно уже сталъ культурнымъ языкомъ всего южно-русскаго края; притомъ этотъ общерусскій языкъ—не чужой, не заимствованный языкъ, а выработанный усиліями всѣхъ русскихъ, не только великороссіявъ, но и малоруссовъ. За тѣмъ, не отнимая у народнаго малорусскаго нарѣчія права на саморазвитіе, права, приущаго каждому человѣческому нарѣчію въ мірѣ, мы убѣждены, что всякая литература, чтобы существовать съ пользою, должна удовлетворять потребностямъ того общества, которое говоритъ языкомъ этой литературы. А какъ дѣтъ у насъ много общества малорусскаго, кромѣ простонароднаго, то и литература малорусская должна быть литературою простонародною, какъ по выбору предметовъ, такъ и по способу выраженія мыслей объ этихъ предметахъ, иными словами, по-малорусски писать можно только то, что понятно и

нужно для простонародія; языкъ долженъ развиваться разомъ съ развитіемъ народа и если даже писатель станетъ передавать то, что народу было до сихъ поръ чуждо, то долженъ дѣлать такъ, чтобъ народъ понималъ и усваивалъ то, съ чѣмъ его знакомятъ; иначе писатель можетъ подвергнуться обличенію въ бездарности и неумѣлости. Намъ казалось-бы, нѣтъ надобности переводить на южно-русское нарѣчіе Шекспира, такъ какъ всякій малоруссъ, получившій на столько развитія, чтобъ интересоваться чтеніемъ Шекспира, можетъ прочесть его въ русскомъ переводѣ, да иногда даже съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ южно-русскомъ, потому что рѣдкій сколько-нибудь образованный малоруссъ не знаетъ русскаго книжнаго языка въ равной степени съ своимъ природнымъ нарѣчіемъ, передавать-же по-русски Шекспира въ настоящее время легче, чѣмъ по-малорусски, даже и такому знатоку малорусскаго слова, какъ самъ г. Кулишъ. Но это примѣнительно только къ южно-русскому краю, вошедшему въ предѣлы русской имперіи и притомъ только тамъ, гдѣ общее воспитаніе въ такой степени уже оказало свою силу, что русскій книжный языкъ успѣлъ сдѣлаться какъ-бы природнымъ языкомъ интеллигентнаго класса.

Судьба южно-русскаго нарѣчія совѣмъ иная въ австрійской монархіи, гдѣ нѣсколько милліоновъ говорятъ этимъ нарѣчіемъ: для нихъ общерусскій книжный языкъ не могъ сдѣлаться языкомъ интеллигентнаго общества, какъ у нашихъ южно-руссовъ. Тамъ интеллигентный человѣкъ долженъ былъ усваивать себѣ культурный языкъ—чужой, польскій, а въ послѣднее время даже нѣмецкій, или же, желая во что-бы-то ни стало оставаться южно-руссомъ, долженъ былъ пытаться собственное свое простонародное нарѣчіе возводить въ значеніе культурнаго языка; это дѣлалось и дѣлается должно было неизбежно; тутъ дѣйствовало не какое-нибудь патріотическое побужденіе, всегда, впрочемъ, само по себѣ достойное сочувствія, а прямая необходимость. У нихъ не было культурнаго языка, а безъ него невозможно никакое осмысленное положеніе; литературный русскій языкъ, ставшій культурнымъ языкомъ для южно-руссовъ въ русскомъ государствѣ, былъ для обитателей австрійскаго государства болѣе чужимъ, чѣмъ нѣмецкій, который былъ имъ ближе по крайней мѣрѣ потому, что былъ языкомъ правительства, которому они подчинялись. Нѣмецкій языкъ не могъ быть

легко и скоро ими усвоенъ по корневой отдаленности отъ ихъ родной рѣчи, а языкъ польскій, который силится постоянно имъ навязывать польская и ополяченная интеллигенція края, напоминаетъ имъ слишкомъ много враждебнаго и противнаго, чтобъ замѣнить имъ свое родное нарѣчіе. Такимъ образомъ стеченіе обстоятельствъ приводило къ стремленію развивать родное нарѣчіе и преобразовать его въ культурный языкъ.

И такъ южно-руссѣ Австро-Венгрии, хотя и принадлежатъ къ одной этнографической вѣтви съ южно-руссѣми русской имперіи, но очутились въ иномъ положеніи относительно культурнаго языка, чѣмъ послѣдніе. Вотъ почему не приходится примѣнять къ явленіямъ въ галицкой южно-русской литературѣ ту мѣрку, кака я пригодна для нашихъ южно-руссѣвъ. Притомъ въ Галичинѣ, при се, не схожемъ съ нашимъ, политическомъ строемъ, при конституціонномъ правительствѣ, при отсутствіи всякихъ стѣсненій южно-русскаго слова, народная рѣчь начала развиваться и шагнула уже на болѣе высшую ступень культурности, чѣмъ у насъ; а потому многое въ переводѣ Кулиша для насъ можетъ показаться несетественнымъ, не народнымъ, искусственнымъ, натянутымъ, выкованнымъ произвольно, тогда какъ совсѣмъ иначе тоже самое можетъ представиться галицкому читателю.

Кромѣ этихъ указанныхъ трудовъ г. Кулиша, достойныхъ уваженія и одобренія, г. Кулишъ издалъ книжку подъ названіемъ „Хуторна поезія“, книжку имѣющую значеніе публицистическое. Книжка эта составлена на половину въ прозѣ, а на половину въ стихахъ; она раздѣляется на три части. Первая часть написанная прозою носить названіе: „Историчне оповѣданне“. Здѣсь г. Кулишъ вспоминаетъ происходившія у насъ у всѣхъ на памяти событія, въ которыхъ онъ г. Кулишъ самъ *part magna fuit*. Онъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Кіевѣ украинская народная поэзія вдохновила тамошнюю молодежь мыслию выдвинуть свой народъ изъ мрака, который не давалъ его духовнымъ силамъ подняться и тѣмъ самымъ подрывалъ его благосостояніе. То были, по словамъ г. Кулиша, юноши, глубоко просвѣтленные чистотою христіанскаго ученія, преданные до энтузіазма апостольской любви къ ближнему. Въ кругу образованнаго украинскаго дворянства они стали проповѣдывать освобожденіе

парода изъ подъ крѣпостной зависимости путемъ христіанскаго и научнаго просвѣщенія. Остерегаясь „современныхъ пилатовъ-иге-моновъ и коварныхъ злостныхъ книжниковъ и фарисеевъ“, они избѣгали облеченія своего дѣла въ какую-либо формальность, не составляли ни статутовъ, ни договоровъ, ни конспектовъ своего дѣла, не устанавливали изъ среды себя начальства и старѣйшинства, всѣ были равны между собою и развѣ только тотъ между нихъ могъ считаться старшимъ, кто былъ прочимъ всеѣмъ слугою. Единственное лицо, на которое они взирали какъ на небесный свѣтиль-никъ, былъ Шевченко, который съ своею поэзією являлся какъ-бы оправданіемъ ихъ общаго вдохновенія.

Осенью 1845 года г. Кулишъ разстался съ своими кіевскими друзьями и единомышленниками и переехалъ въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, котораго образъ г. Кулишъ передаетъ въ чрезвычайно увлекательныхъ и, что всего лучше, въ вѣрныхъ чертахъ; при его содѣйствіи, академія наукъ, по случаю кончины профессора Прейса, предложила отправить г. Кулиша за границу для изученія славянскихъ языковъ съ цѣлю, по возвращеніи, сдѣлать его адъюнктомъ академіи и профессоромъ въ университетѣ. Въ концѣ 1846 года Кулишъ отправился въ путь за границу черезъ Кіевъ, гдѣ, какъ узналъ, во время его пребыванія въ Петербургѣ, его кіевскіе друзья составили общество, которому дали названіе общества св. Кирилла и Меодія, написали уставъ и вымыслили даже знакъ или символъ общества, перстень изъ литого желѣза съ вырѣзанными на немъ начальными буквами именъ Кирилла и Меодія. Въ Кіевѣ, собиравсь ѣхать за границу въ славянскія земли съ однимъ молодымъ человѣкомъ, бывшимъ въ числѣ основателей этого общества, г. Кулишъ, какъ самъ сообщаетъ, спрашивалъ этого молодого человѣка объ обществѣ, а тотъ отвѣчалъ, что то была ребяческая забава, что сами основатели одумались, уничтожили написанный уставъ и побросали въ воду перстни. Но г. Кулишъ при этомъ догадывался, что отъ него, какъ и отъ Шевченка, таятся, а впоследствии узналъ, что основатели не хотѣли принимать въ число членовъ Кулиша и Шевченка, не потому, чтобъ не довѣряли имъ, а потому что слишкомъ дорожили ими и опасались подвергать ихъ могущимъ постигнуть ихъ несприятностямъ, будучи увѣрены, что, и не вступая въ общество, они по своей дѣятельности всегда будутъ ему полезны.

Такъ какъ объ этомъ обществѣ Кирилла и Меодія уже появлялись въ разныхъ печатныхъ органахъ неясные и невѣрные намеки, то не лишнимъ будетъ, по случаю сообщенія г. Кулиша, сказать объ этомъ обществѣ правдивое слово. Г. Кулишъ и теперь заявляетъ и прежде пытался заявлять, что не былъ членомъ этого общества и даже не зналъ о немъ. Мы прошлымъ лѣтомъ случайно наткнулись на такое заявленіе г. Кулиша въ газетѣ „Новости“. Г. Кулишъ правъ, утверждая, что онъ не былъ ни членомъ, ни основателемъ такого общества; но мы прибавимъ, что собственно и самаго общества не существовало, такъ какъ нельзя считать организованнымъ обществомъ разговоры частныхъ лицъ, случайно сошедшихся для бесѣды безъ всякой предвзятой цѣли. Дѣло проходило такъ: въ январѣ 1846 года пишущій эти строки вмѣстѣ съ пріятелями своими Никол. Ив. Гулакомъ, Вас. Мих. Вѣлосерскимъ и Александр. Александров. Навроцкимъ толковали о томъ, какъ-бы слѣдовало путемъ воспитанія юношества, изданія сочиненій, относящихся къ славяновѣдѣнію и при всякомъ случаѣ частными бесѣдами стараться знакомить русское общество съ славянскимъ міромъ. При этомъ мы составили для себя *desiderata*, въ которыхъ выразалось то, что, по нашимъ убѣжденіямъ, должно было лечь въ основу будущей славянской взаимности. Первое желаніе касалось способовъ дѣятельности тѣхъ лицъ, которые-бы пали въ себѣ силу быть апостолами славянскаго возрожденія. Это желаніе состояло въ томъ, чтобъ соблюдалась искренность и правдивость и отвергалось иезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями, за тѣмъ слѣдовали желанія касавшіяся славянъ. Онѣ были немногочисленны и несложны, и состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплеменниковъ, 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою; установленіе точныхъ правилъ разграниченія народностей и устройства ихъ взаимной связи предоставлялось времени и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса исторіей и наукою, 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось, 4) упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются, 5) релігіозная свобода и вѣротерпимость, 6) при полной свободѣ всякаго вѣро-

ученія употребленіе единого славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей, 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей. Этимъ собственно и ограничили тогдашнія наши desiderata. Нѣкоторыя изъ нихъ были приведены въ исполненіе, другія—намѣчены и частію совершены императоромъ Александромъ II. Въ оное время мы очень желали, чтобъ могло образоваться общество на вышеозначенныхъ принципахъ, но мы не задавали себѣ вопроса: можетъ-ли такое общество, хотя-бы съ чисто ученымъ характеромъ, быть одобрено тогдашнимъ правительствомъ, хотя отрицательный отвѣтъ на такой вопросъ заранѣе указывался здравымъ разсудкомъ, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ окружающимъ насъ міромъ. Но мы были въ этомъ отношеніи дѣти и привыкли жить болѣе въ книгахъ и въ собственныхъ идеалахъ, чѣмъ въ мірѣ дѣйствительности, и оттого, быть можетъ, Вѣлозерскій (а это его разумѣть г. Кулишъ, вспоминая о молодомъ чловѣкѣ, собиравшемся съ Кулишомъ ѣхать за границу) былъ отчасти правъ, называя все это „ребяческою забавою“. Но тѣмъ не менѣе тайнаго общества со всѣми неизбежными атрибутами: выборами, предѣдателями, секретарями, собраніями, членскими взносами, отчетами, у насъ организовано не было, также точно какъ не было „перстня изъ литого желѣза“ въ качествѣ символа общества. Былъ у меня перстень не желѣзный, а золотой съ вырѣзанными внутри его именами св. славянскихъ апостоловъ. Я сдѣлалъ его себѣ гораздо ранѣе и мысль къ тому подали мнѣ продававшіяся въ михайловскомъ золотоверхомъ монастырѣ кольца съ именемъ Варвары великомученицы, освященные на мощахъ этой святой. Увидя такое кольцо у меня, кто-то изъ знакомыхъ сдѣлалъ себѣ такое кольцо, хотя съ иными аксессуарами, потому, какъ мнѣ говорено было, и еще кто-то... Но символами общества эти кольца не были.

Когда я былъ арестованъ и доставленъ въ III-е отдѣленіе собственпой его величества канцеляріи, я былъ въ крайне затруднительномъ положеніи. Мнѣ-бы слѣдовало сразу сказать всю правду, тѣмъ болѣе, что собственно преступленія противъ законовъ за мною не было; но сказать правду, то есть что велись разговоры о сла-

вянскомъ единеніи и хотя общество не организовалось, но существованіе его было желательнымъ—было невозможно; меня-бы допрашивали, съ кѣмъ велись подобныя бесѣды и я долженъ былъ-бы указать на другихъ, я-же, находясь въ III-мъ отдѣленіи, не зпалъ, кто еще кромѣ меня арестованъ. Я по неволѣ сталъ увертываться, а моя увертливость возбуждала противъ меня подозрѣніе: думали такъ, что вѣрно у насъ было и есть что-то важное, когда мы стараемся его скрыть. Изъ Кіева то и дѣло присылались новые доводы существованія тайнаго зловреднаго общества, доводы неосновательныя и нелѣпыя, но тѣмъ не менѣе наводившіе подозрѣніе. Такъ, между прочимъ, открыто было, будто у членовъ славянскаго общества есть на тѣлѣ какіе-то вытравленные знаки. Насъ раздѣляли, а тавра ни на комъ не нашли. Признали печатью общества мою именную печать, употреблявшуюся уже болѣе десяти лѣтъ, съ вырѣзанными на ней словами: Іоанна гл. VIII, ст. 32, и не обратили вниманія на мою просьбу убѣдиться, что этою печатью я давно печаталъ письма и никто другой, кромѣ меня, не употреблялъ ее. Наконецъ изъ моихъ лекцій и рукописныхъ сочиненій вырѣзывались мѣста безотносительно къ предыдущей рѣчи и къ послѣдующей и имъ придавался смыслъ, обличающій существованіе тайнаго вреднаго общества. Двое кіевскихъ студентовъ Петровъ и Андрусскій въ III-мъ отдѣленіи показывали на меня ужаснѣйшія вещи и хотя первый, по смыслу заключавшагося въ его показаніяхъ, былъ самымъ графомъ Орловымъ облеченъ во лжи, а второй, написавши про меня множество клеветъ, поставленный на очную ставку со мною, объявилъ, что все написанное имъ обо мнѣ ложь, тѣмъ не менѣе ихъ показанія оставили вліяніе на генерала Дубельта, который, подозрѣвая, что я умышленно утаиваю вины свои, сердился, ругалъ меня самыми площадными словами и угрожалъ даже употребить жестокія мѣры съ цѣлію заставить меня говорить искренно. Наконецъ дѣлопроизводитель секретной экспедиціи прочелъ мнѣ показаніе Бѣлозерскаго, сообщивши при томъ, что оно, по своей искренности и по духу смиренія и покорности, понравилось государю императору. Онъ совѣтовалъ и мнѣ измѣнить свои прежнія показанія и подать новое, подобное по смыслу и по духу показанію Бѣлозерскаго. Тогда я увидалъ, что всѣ, кого могли привлечь и наказати по поводу основанія общества, уже

находятся въ III-мъ отдѣленіи и что я не въ состояніи болѣе своею откровенностію притянуть кого нибудь вновь въ III-е отдѣленіе; я послѣдовалъ предложенному мнѣ совѣту и написалъ показаніе, подобное показанію Бѣлозерскаго. Последній сознавался, что общество дѣйствительно возникло, но оно имѣло въ виду только тѣхъ славянъ, которые не состоятъ подъ русскою державою и при томъ въ видахъ подчинить ихъ всѣхъ російскому скипетру и распространить между ними православіе. За тѣмъ и Николай Ивановичъ Гулакъ, до сихъ поръ упорно не хотѣвшій давать никакого показанія и тѣмъ усиливавшій на всѣхъ насъ подозрѣніе, подалъ такое-же показаніе, какъ Бѣлозерскій. Намъ наказали различно. Бѣлозерскаго государь императоръ за искренность и смиреніе простилъ, приказавъ избавить его отъ всякаго заключенія и отправить въ Петрозаводскъ на гражданскую службу, внушивъ тамошнимъ властямъ самое лестное о немъ мнѣніе. Этотъ молодой человѣкъ не только не проигралъ, но въ служебномъ отношеніи выигралъ: его, не смотря на очень молодые лѣта, сдѣлали совѣтникомъ губернскаго правленія, что въ оное время казалось блестящею карьерою въ началѣ служебнаго поприща. Меня осудили на годичное заключеніе въ Петропавловской крѣпости, а потомъ отправили въ Саратовъ на гражданскую службу съ воспрещеніемъ на всегда печатать и преподавать. Гулака за упорство наказали строже: посадили въ шлиссельбургскую крѣпость на три года съ половиною, а по окончаніи этого срока отправили въ Пермь съ такими-же ограниченіями, какъ и меня въ Саратовъ; Навроцкаго—въ вятскую губернію съ выдержкою на мѣстѣ подѣ арестомъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Кулиша и Шевченка наказали не зависимо отъ насъ: участія въ составленіи славянскаго общества за ними не признали, но поставили имъ въ вину ихъ малорусскія сочиненія. Кулишъ, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ крѣпости, былъ отправленъ въ Тулу съ такими-же ограниченіями, какія постигли меня и Гулака, а Шевченко былъ наказанъ, какъ всѣмъ извѣстно, гораздо суровѣе за то, что въ его стихахъ были оскорбительныя отзѣвы объ отжившихъ и живущихъ высочайшихъ особахъ. Кромѣ тяжелой солдатской службы, онъ осужденъ былъ на запрещеніе писать и рисовать и долженъ былъ постоянно тяготиться присутствіемъ ефрейторовъ, палубавнихъ, чтобъ онъ не дѣлалъ противнаго

высочайшему запрещенію. Такъ окончилось дѣло о славянскомъ обществѣ Кирилла и Меѳодія. Вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ тридцать пять лѣтъ, воды много утекло и тѣ, которые тогда поступали на службу, теперь уже получаютъ полную пенсію, слѣдовательно самое это событіе отошло уже въ міръ исторіи русской протекшей жизни: пора сказать о немъ сухую правду, а правда о немъ будетъ такова, что общества Кирилла и Меѳодія не существовало; происходили только разговоры о немъ, безъ всякаго намѣренія основывать его. Дѣйствительно, Кулишъ и Шевченко не были участниками разговоровъ, происходившихъ въ январѣ 1846 года; Кулишъ находился тогда въ Петербургѣ, а съ Шевченко я еще не былъ лично знакомъ; но я слишкомъ хорошо помню, что ни отъ того, ни отъ другого мы съ нашими славянскими симпатіями не таились, напротивъ, Шевченко, познакомившись со мною, относился къ идеѣ о славянской взаимности съ поэтическимъ восторгомъ, а Кулишу не могли онѣ оставаться въ неизвѣстности, потому что впоследствии, бывши съ нимъ не только близокъ, но друженъ, много разъ я вспоминалъ съ нимъ о прошедшемъ.

За „Историчнымъ оповѣданьемъ“ въ книгѣ „Хуторна поэзія“ слѣдуютъ стихотворенія въ числѣ двадцати четырехъ: всѣ почти въ публицистическомъ тонѣ. Всѣ онѣ богаты мыслями, но тяжелы и вообще возбуждаютъ желаніе, чтобъ г. Кулишъ оставилъ стихотворное поле и ограничился прозаическою формою, которая у него выходитъ удачнѣе стиховъ. Два стихотворенія г. Кулиша нисколько останавливаютъ на себѣ вниманіе: это прославленіе двухъ царственныхъ особъ; одно стихотвореніе называется „Гимнъ единому царю“, а другое—„Гимнъ единой царицѣ“. Подъ царемъ разумѣется Петръ Великій, подъ царицею—императрица Екатерина Вторая. Петръ по истинѣ такъ великъ, что никакой дифирамбъ ему не будетъ совершенно не вѣренъ и если намъ придется отозваться безъ особыхъ похвалъ о стихотвореніи Кулиша въ честь Петра, то потому только, что въ самомъ этомъ стихотвореніи не видно присутствія дарованія. Мысль о похвалѣ Екатеринѣ II-й заключаетъ въ себѣ столько-же ложлага, сколько было неправды въ представленіяхъ, усвоенныхъ нами всѣми издавна о царствованіи этой государыни, царствованіи мудромъ и блестящемъ, но не всегда и не вездѣ благотворномъ для народнои жизни, какъ современниковъ, такъ и

потомковъ. Авторъ негодуешь на враговъ ея, которые называли ее „голодную волчицею“. „Ты была—говорить Кулишъ, обращаясь къ личности государыни—волчицею для проклятыхъ людоѣдовъ, ты была врагомъ кровопійць людскихъ, и это будетъ помнить культурный мѣръ. Ты убила за порогами змѣю песьютую разбоями и разореніями; ты раздавила ядовитую голову ехидны. Хвала тебѣ, царица, за зло, учиненное злымъ, и за добро, оказанное добродѣтельнымъ. Хвала тебѣ, любомудрая жрица, прорицательница благословенныхъ временъ!“

Змѣя, раздавленная за порогами, есть Запорожская Сѣчь, уничтоженная Екатериною II-юю.

Г. Кулишъ написалъ эти стихи подъ увлеченіемъ негодованія противъ запорожцевъ, нерѣдко совершавшихъ разбои и злодѣянія. Мы далеки отъ того, чтобъ скорбѣть объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи и готовы признать это уничтоженіе дѣломъ мудрой государственной политики. Но иное дѣло цѣль, а иное—способы къ достиженію этой цѣли. Вспомнимъ участь Калпигневскаго и Глобы! Ужасъ овладѣваетъ воображеніемъ, когда представишь себѣ несчастнаго Кошеваго, глубокаго старика, личега иного не показавшаго русскому престолу, кромѣ вѣрности и послушанія: теперь въ воздаяніе за долгую преданность его, бросили его въ сырую и мрачную темницу соловецкаго монастыря и томили тамъ въ одинокомъ заключеніи болѣе тридцати лѣтъ. А что сдѣлали съ запорожскимъ краемъ послѣ уничтоженія Сѣчи? Выгнали папльвишее туда уже издавна вольное населеніе и отдали превращенныя въ пустыни поля и уголья въ добычу вельможамъ, любимцамъ счастья и временщикамъ! Это-ли прославляемая Кулишомъ культура? Уничтоженіе гетманщины въ Малороссіи хотя и могло оправдываться теченіемъ историческихъ судьбъ всего русскаго міра, но совершенно съ такими послѣдствіями, которыя не послужили къ пользѣ, благосостоянію и духовному развитію народа. Чтобы сплотить тѣснѣе малорусскій край съ другими областями русскаго государства и не требить въ пемъ могущія ожить уже примершія завѣтныя историческія побужденія, сочли лучшимъ и простѣйшимъ средствомъ разрознить сословія: козацкимъ старшинамъ даровать наравнѣ съ русскими служащими въ офицерскихъ чинахъ дворянское достоинство и право владѣть крестьянами, а простой народъ, такъ называемое

въ Малороссіи посполство, отдать въ порабощеніе новоиспеченному дворянству. Что-жь, и это—культура! Тридцать лѣтъ спустя, малороссійскій дворянинъ графъ Безбородко восхищался этою мѣрою и совѣтовалъ примѣнять ее къ новоприсоединенному западному краю отъ Польши, совѣтовалъ ласкать тамошнихъ дворянъ, покровительствуя ихъ власти надъ простымъ народомъ, но такъ думать могъ баринъ въ тотъ вѣкъ, когда люди главнымъ образомъ цѣнились по ихъ благородному происхожденію, а о такъ-называемомъ подломъ народѣ думали, что его и Богъ на то создалъ, чтобъ онъ повиновался дворянству. Но, конечно, такая общественная мудрость въ нашъ вѣкъ не годится, и не выйдетъ-ли, что „мужицкія, полупьяныя, какъ ихъ честить г. Кулишъ, возрѣнія Шевченка на царствованіе Екатерины II-й сообразіе съ исторической правдою, чѣмъ высокоумудря возрѣнія г. Кулиша? Многія историческія эпохи представляются въ одобрительномъ свѣтѣ, когда ихъ будемъ разсматривать съ точки зрѣнія всемірно-исторической, но если ихъ распластать и заглянуть поглубже въ мелочи и подробности протекшей жизни, то откроются возмутительныя картины страданій и насилій, которыя ступшеывались во время обзора эпохи въ цѣломъ. Нерѣдко положительныя стороны въ прошедшихъ эпохахъ, возбуждающія наши симпатіи и похвалы, слѣдуетъ приписывать вѣку, географическимъ и этнографическимъ условіямъ и закону сѣпленія событій между собою въ ихъ поступательномъ движеніи, а вовсе не побужденіямъ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей.

Послѣ ряда стиховъ, не отличающихся даровитостію, слѣдуетъ у г. Кулиша составленное прозою призывное посланіе къ украинской интеллигенціи. Онъ бѣгло проходитъ соціальную исторію южной Руси, воспоминаетъ, какъ южно-русскій высшій классъ усвоилъ польскую національность, увлекшись превосходствомъ культуры, какъ южно-русская національность низошла исключительно въ сферу простонародія, воспоминаетъ эпоху разцвѣта простонародной изустной литературы, и новую измѣну своей національности высшаго класса, устремившагося не къ выработкѣ своенародной культуры, а къ усвоенію языка и нравовъ великорусской аристократіи, и повторившаго въ другомъ видѣ то, что прежде совершенно имъ въ отношеніи къ польской національности. Потомки стали обращаться въ великороссійскихъ дворянъ, подобно тому, какъ предки ихъ когда-

то дѣлались польскимъ шляхетствомъ. Простонародный украинскій языкъ осужденъ былъ пребывать въ летаргіи и только въ текущемъ столѣтїи стали извлекать его изъ этой летаргіи. Починъ принадлежитъ Котляревскому, которому г. Кулишъ даетъ большую заслугу. По его словамъ, это былъ социальный реформаторъ: „онъ спускалъ съ олимпійскихъ высотъ боговъ и богинь съ полубогами; онъ спустилъ съ высокихъ постаментовъ на землю широко славныхъ героевъ, которыхъ сильные міра брали себѣ за образецъ, и все это олимпійское и обоготворенное барство обратилъ въ мужицкую простоту. Съ его почину возникла литература, которая по ходу вещей должна была носить демократическій характеръ, потому что она возникла не въ угоду панамъ, а въ угоду тѣмъ, которые не желаютъ, чтобъ темный братъ былъ ихъ слугою, а хотять сами послужить темнымъ братьямъ“. Такъ-ли все это на самомъ дѣлѣ? Смысль, какой даетъ Кулишъ Котляревскому, былъ-бы умѣстенъ, если-бъ это происходило въ странѣ, гдѣ классическое воспитаніе доходило уже до крайности; но этого нельзя сказать о южной Руси: число учившихся и пропикнутыхъ классицизмомъ было слишкомъ ничтожно въ сравненїи съ безграмотною массою, которая никогда не слыхала ни о какихъ олимпійскихъ богахъ и обоготворенныхъ герояхъ древности. Какое такое барство въ Малороссїи, которое ставило себѣ за образецъ этихъ героевъ? Дѣйствительно, заслуга Котляревскаго велика, но она состоитъ не въ томъ, въ чемъ находить Кулишъ. Котляревскій взялъ Энеиду, перевезъ ея остовъ въ малороссійскій мужичій міръ и изобразилъ этотъ міръ чрезвычайно вѣрно и талантливо. Тутъ не главное дѣло въ богахъ древняго міра и его герояхъ. Если-бъ Котляревскій взялъ что-нибудь иное, откуда-бы то ни было, хотя-бы изъ освобожденнаго Іерусалима Тасса или изъ Жильблаза, да одѣлъ взятое такъ искусно въ малорусскую плоть и одежду, какъ онъ сдѣлалъ это съ Энеидою, то результатъ вышелъ-бы все тотъ-же. Демократичность, какъ выражается самъ Кулишъ, явилась отъ того, что много народа, говорящаго по-малорусски, кромѣ простонародїя, почти не было. Понятно, что и въ литературѣ нельзя было выводить никого, кромѣ малорусскаго простолюдина.

Далѣе г. Кулишъ вспоминаетъ, какъ люди съ превратными этнографическими попятїями стали проводить мысль, что развитіе простонароднаго украинскаго нарѣчїя вредно съ государственной

точки зрѣнія; они-то настроили правительство смотрѣть неблаго-склонно на всякое проявленіе народнаго духа въ украинской ли-тературѣ и запрещать на южно-русскомъ нарѣчій издавать то, что дозволялось другимъ народностямъ; вошедшимъ въ предѣлы русскаго государства—жмудинамъ, самоѣдамъ, тунгузамъ и проч. По поводу такого стѣпенія г. Кулишъ находить, что, не сопротивляясь волѣ власти, остается послѣдовать наставленію великаго Учителя человѣчества, который повелѣваетъ намъ, если гонять насъ въ одномъ мѣстѣ, уходить въ другое. Исполняя это наставленіе Спасителя, Кулишъ уходить въ культурный свѣтъ и посылаетъ во всю русскую землю вѣщаніе на пробужденіе сонныхъ и воскресеніе мертвыхъ. Онъ призываетъ всѣхъ въ кругъ, и великихъ и малыхъ, и господскихъ и мужичьихъ дѣтей—спасать свое родное слово! Онъ поднимаетъ національное знамя и надѣется собрать подъ него расточенныхъ чадъ Украины! По нѣкоторымъ отношеніямъ, въ какія въ послѣднія времена стали между собою г. Кулишъ съ одной стороны и немногочисленная, разсѣянная въ разныхъ краяхъ малорусская интеллигенція съ другой, мы опасаемся, какъ-бы изъ этого призыва г. Кулиша подъ распускаемое имъ за границею національное знамя не вышло *fiasco*! Мы опасаемся, что г. Кулишъ уже не имѣетъ за собою того обаянія, какое окружало его долго въ глазахъ земляковъ.

Если писатель, пріобрѣвъ довѣріе къ себѣ своихъ читателей, вздумаетъ испытывать степень этого довѣрія — станетъ возвѣщать имъ совершенно противное тому, что они прежде привыкли слышать отъ него, и все это дѣлаться будетъ съ гордымъ самоиѣніемъ, что читатели его глушцы, которымъ можно, что угодно, выставить за правду и они по прежней привычкѣ станутъ и этому вѣрить, то онъ можетъ быть жестоко наказанъ за свою гордыню: исчезнетъ прежнее къ нему довѣріе, испарится любовь къ нему и вмѣсто прежнихъ похвалъ и восторговъ посыплется на него рядъ упрековъ и презрительныхъ насмѣшекъ, а то еще и хуже — его забудутъ, на него не станутъ обращать никакого вниманія. Кулишъ, по нашимъ соображеніямъ, именно стоитъ на такомъ пути, который можетъ довести его до этого не привлекательнаго положенія. Не желаемъ ему таковой судьбы!

Н. Костомаровъ.